

Кинозал «Недели»

Неделя. - 1991. - 17-18 авг. (N 33). - С. 10. Лилиана Кавани:

— у меня масса врагов — в кавычках и без. Во-первых, потому что я никогда не принадлежала ни к какой партии. Как говорят у нас в Италии, была «собакой без поводка». Но по-другому я не могла. Я всегда старалась снимать только то, что было интересно мне самой, — говорит режиссер «НОЧНОГО ПОРТЬЕ» — одного из самых сенсационных фильмов за последние двадцать лет.

Она начинала «под крылом» Феллини — ассистентом на его фильме «8½». Ей покровительствовал Висконти. К ней «перешли» актеры, снимавшие славу в фильмах Пазолини и Антониони. В новой генерации итальянского кино рядом с именами Бертолуччи и Вертимуллера появилось едва ли не самое яркое — женское: Лилиана Кавани. Подобно Дикк Бугарту, сыгравшему Макса в ее «Ночном портье», и мы могли бы ожидать при встрече, как он не без юмора написал в своей книге воспоминаний, «нечто смуглое, напористое, страстное и очень шумное, увешанное множеством золотых браслетов».

Лилиана Кавани совсем другая. Женское любопытство и режиссерский глаз, остро подмечающий все необычное, позволяют ей открыть в человеке глубины, о которых кинематографисты, похоже, не догадывались.

Против нее и исполнительницей главных ролей в «Ночном портье» — Дика Богарта Шарлотты Рэмплинг — было возбуждено уголовное дело «за оскорбление нравственности». (Напомним: фильм — о зародившейся в концлагере любви эсэсовца и заключенной-еврейки). Правильнее сказать — за антифашистский запал. 48-часовая забастовка, поддержанная всей итальянской киноиндустрией, не поколебала департамент полиции. И режиссер ринулась в самую гущу боя. И опять вышла с победой. Верховный суд Милана — самый авторитетный в стране — провозгласил: «Ночной портье» — произведение искусства, и никто ни при каких обстоятельствах не имеет права накладывать на него запрет».

Прошло почти двадцать лет. «Ночной портье», наконец, показан в нашей стране. В программе фестиваля «Шедевры итальянского кино» состоялась ретроспектива фильмов Лилианы Кавани. «Галилей», «Каннибалы», «По ту сторону добра и зла», «Интерно Берлинезе» («Берлинское дело») и последняя работа — фильм 1989 года «Франческо» — эти (из 12 снятых ею) ленты увидели зрители Киновидеоцентра национальных кинематографий «Москва». Здесь же состоялось личное знакомство с режиссером.

— Я начинаю фильм тогда, когда возникает тема, которая меня интересует. Или тема, которую я пока глубоко не знаю. Или чувствую, что понимаю ее немного неверно — не так, как «надо». Когда мне любопытно «влезть» в какое-то дело. Начинаю размышлять, думать — о том или ином явлении, человеке, персонаже. Я записываю что-то, зарываюсь в документы, но сюжет на самом деле может родиться за два часа. Как случилось, кстати, с «Ночным портье».

Но это все равно результат большой предварительной работы, когда процесс может длиться годами. К примеру, в свое время я сделала для телевидения четырехчасовой документальный фильм о третьем рейхе, целиком смонтированный из хроники. Он не пришелся по вкусу даже

фильмам Де Сики, которые я смотрела, когда училась в университете. Для меня он самый большой мастер неореализма. «Золото Неаполя», «Похитители велосипедов» — величайшие фильмы. А ведь в свое время я хотела стать археологом, окончила университет по специальности античная литература. Но когда я увидела такое кино, то подспудно пришло решение, что именно оно — наилучший способ самовыражения. И как только получила диплом в Болонье, я тут же приехала в Рим заниматься в Центре экспериментального кино.

— Вы не побоялись сделать свой последний фильм на вечный сюжет о новом мессии, в основе которого на этот раз — жизнь и житие Франциска Ассизского. Ничего сенсационного. Почему, как вам кажется, он оказался так близок молодым зрителям?

— Когда сегодня читаешь «Медею» или «Антигону», то кажется, что эти произведения написаны только вчера. Есть некое, если можно так сказать, единство времени. Например, Ницше, говоря о событиях XIX века, приводит аналогию из очень далекого — до нашей эры — времени. И тем самым он разрушает «замок истории», причем истории, написанной во-о-т такими, аршинными буквами. То, что было создано им тогда, в одиночестве, представляется чем-то чрезвычайно современным. Явления, которые мы считаем далекими от нас, оказываются очень близкими. Этот эффект лучше всего иллюстрировать музыкой. Когда наслаждаешься Моцартом, ты же не думаешь, что это песня была написана в тысяча семьсот забытом году... Тебе кажется, что этот кусок родился только что.

Все это касается и фильма «Франческо». История о молодом человеке «ниемного не в себе», которая произошла в XIII веке, по сути своей совсем не давняя. Я не удивилась, что больше всего полюбили этот персонаж наши молодые люди, которые еще, может быть, не отдают себе отчета, что его можно хронологически распо-

«Мы утратили чувство магии»

дипломатичнейшему немцу посольству... Но благодаря той работе я смогла увидеть и разобраться во многих феноменах рейха. Для другой документальной ленты я провела опрос женщин, выживших в итальянском Сопротивлении, и задумалась о жертвах фашизма сегодня, об их чувствах, о «погруженности», спустя годы, в собственное прошлое... Все это была подготовительная работа, она осталась багажом, будто бы в пассиве...

Но я считаю: если есть такое «питание» — голова все равно работает. И вдруг однажды ко мне пришло желание рассказать об одной истории — в рамках большой войны, о сокрытом внутри маленькой ячейки механизме. Потому что такой взгляд помогает понять, каким образом мы все это сделали — сами.

Скажем так: фильм я делаю прежде всего для себя. Потому что это мой опыт. Дальше уже картина становится каким-то объектом, вещью, которая вам предлагается, то есть приглашением к диалогу. Совсем здорово, когда этот диалог выходит на очень широкий уровень. Такие диалоги могут быть веселыми, могут быть и очень сложными (как произошло с «Ночным портье»), но это уже потом.

— А потом, после «Ночного портье», вы сняли фильм «По ту сторону добра и зла», в котором обратились к началу века, к образу Ницше. Вместе с картиной «Интерно Берлинезе» получилась как бы немецкая трилогия. Это было продолжением темы?

— Я хочу сразу сказать, что Ницше сильно профанирован в Европе. Этот персонаж в фильме позволяет нам как бы вновь осмыслить нас, сегодняшних. Ницше стимулирует, провоцирует твой интеллект и — твою школьную подготовку. И вести свой диалог с ним — это как искупаться в прохладной, освежающей воде на свежем воздухе. Я ни в коем случае не хотела сделать фильм-биографию — это, может быть, некоторые заметки «по поводу». О его встречах с двумя большими друзьями. Одна из них — Лу Саломе, русская дама, приехавшая в Европу — в Италию, Германию... И вот во встрече троих, между тремя индивидуальностями одновременно, родилась любовь и вспыхнула война...

В Америке сочинения Ницше на английском я видела в обычном супермаркете. У нас же в Италии обе клерикальные системы — католики и протестанты — по разным причинам хотели отбросить его. Мораль должна быть следующей: никогда не надо запрещать читать. Каждый может и должен составить собственное мнение о том, что узнал.

— Ваше творчество столь самобытно, что трудно проводить какие-то параллели. Кто же из современных режиссеров наиболее вам созвучен?

— Я почитаю не имена, но личностей. Многие фильмы Феллини, Висконти, Фассбиндера, Тарковского меня просто поразили. Например, я обожаю Де Сикю, хотя он не имеет никакого отношения к моим фильмам. Может быть, то, что я занимаюсь кино, произошло благодаря

ложить в любом времени. Но живость эту они чувствуют. Она как музыка.

— Первая ваша встреча с нашей страной произошла «под сурдинку», анонимно — вы побывали у нас туристкой, и об этом не про нас ни один кинематографист — так и фильмы ваши проникали к нам негласно...

— Это позволяло перекинуть узенький мостик, когда нас разделяла стена. Все можно оправдать в такого рода ситуации, и видеопиратство тоже. Это как Ромео, который взбирается на балкон, чтобы поговорить с Джульеттой, — тут все средства хороши. Правда, теперь мы можем ходить друг к другу «через дверь», достигли того уровня, когда фильмы можно смотреть в залах, наслаждаться этим с другими людьми. Только большой экран наполняет тебя такими чувствами, которые телевидение или видео не дают никогда. Кино — это ведь народный роман нашей эпохи. Оно объединяет гораздо больше людей, чем театр.

Я обязательно должна была приехать в страну, где мои фильмы считались неприемлемыми. Была уверена, что рано или поздно буду здесь вместе с ними. А что касается первой поездки в Россию в мае прошлого года, могу сказать: «Это было прекрасно». Обычная туристская программа, я прошла по музеям, имела возможность увидеть многое и оценить все по достоинству. Естественно, все это в рамках нескольких дней в Ленинграде и Москве. Но мой приезд уже тогда позволил понять: реальность не совпадает с тем образом, который преподносит нам на Западе. Я родом из маленького итальянского местечка в Эмилии и обнаружила в наших людях много общего. Многие загадки были разгаданы. Ключ к этим разгадкам в общем-то «лежал на столе» — его только надо было взять. Достаточно было просто приехать.

Вы очень долго ждали — с энтузиазмом и страстью тех людей, которые вынуждены долго ждать. Мы же за это время, скажем так, несколько «подпортились». Конечно, наша встреча была отложена по причинам, которые никоим образом от нас не зависели. Но здешние энтузиазм и открытость искусству напомнили мне времена, когда я сама ходила в кинозалы, еще студенткой. Мы тогда были просто влюблены в кино. И тот же эмоциональный взрыв я пережила сейчас.

И еще я поняла, что вы можете нам это дать. То есть вы должны нам помочь вновь открыть прекрасный мир — кино. Потому что фактически за последние лет пятнадцать мы утратили это чувство магии. Я привезу домой какое-то новое ощущение, которому мы должны у вас научиться, — любить хорошее кино. Нам нужна эта вера.

Остается добавить, что в начале осени Ассоциация советских киноинициатив (АСК) приобретает для демонстрации в СССР и другие фильмы, которые создала Лилиана Кавани за свои почти тридцать лет работы в кино.

Записала
Елена МАЦЕХА.